

Криничная 1998 — *Криничная Н.А.* Травы-обереги: к семантике растительных образов // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998. С. 26—27.

Лечебник 2003 — Тобольский лечебник XVII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2003.

Лихачев 1987 — *Лихачев Д.С.* Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 5—22.

Пименова 1987 — *Пименова М.В.* Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (по материалам травников, лечебников, иконописных подлинников). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

Правила 1962 — Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / Сост. О.А. Князевская, С.И. Котков. М.: ИРЯ АН СССР, 1962.

СлРЯ XI—XVII 1975 — Словарь русского языка XI—XVII вв.: Указ. источников картотеки (В порядке алфавита сокращенных обозначений) / Сост. С.Ф. Геккер, доп. С.П. Мордовина, Т.Я. Романова. М., 1975.

Словарь 1981 — Советский энциклопедический словарь. М., 1981.

СлРЯ XVIII 1984 — Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указ. источников / Сост. Л.Л. Кутина, О.Е. Березина, А.А. Алексеев. Л., 1984.

Топорков 1999 — *Топорков А.Л.* Повседневная мифология в России XVII века (по материалам рукописных лечебников) // Мифология и повседневность. Вып. 2: Мат. науч. конф. (24—26 февраля 1999 г.). СПб., 1999. С. 51—59.

Травник 2004 — Тобольский травник XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2004.

Турилов 1998 — *Турилов А.А.* Народные поверья в русских лечебниках // Живая старина. 1998. № 3. С. 33—36.

Урсу-Архипова 2004 — *Урсу-Архипова А.П.* Тобольский вариант «Травника XVIII века» с позиций лингвистического источниковедения // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004. С. 142—147.

Филиппович 2002 — *Филиппович Ю.Н., Филиппович А.Ю.* Электронный указатель источников рукописной древнерусской картотеки и Словаря русского языка XI—XVII вв. М., 2002. [Книга и информационно-поисковая система на CD ROM].

Флоринский 1879 — *Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники: Собр. мед. рук. XVI и XVII столетий. Казань, 1879.

Шульц 1976 — *Шульц Ю.Ф.* Одо из Мена. М., 1976.

Chodurska 2003 — *Chodurska H.* Ze studiów nad fitonimami rękopismennych XVII—XVIII wieku. Kraków: Wydaw. nauk. AP, 2003.

Сокращения

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека).

А.Б. ИППОЛИТОВА
(Москва)

«ТА ТРАВА ЕСТЬ ЦАРЬ ВО ВСЕХ ТРАВАХ...»: «ЦАРСКИЕ» РАСТЕНИЯ В УСТНОЙ И РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

В ряду памятников «низовой» рукописной традиции России XVII—XVIII вв. особое место занимают «народные» травники — сборники непостоянного состава, включающие краткие описания отдельных растений и их полезных для человека свойств. Зафиксированные в травниках представления о природе отличаются значительным своеобразием, обусловленным тесной связью с повседневными проблемами человека и магическими верованиями¹.

Среди описываемых в рукописях растений выделяется группа так называемых «царских» трав — растений, названия которых связаны со словом *царь* (а также *король*), или «величаемых» *царями* в текстах-описаниях² (например, «*Трава Иван... а именуется царь в травах*» [РГБ. Муз. 10927. Л. 22. № 91]). В травниках и лечебниках XVIII в. (корпус в 60 списков из рукописных собраний Москвы, Петербурга и Петрозаводска) нами выявлено более двадцати «царских» растений. Сведения о «царских» травах сохранились также в следственных делах о колдовстве. Так, в деле 1708 г. упоминается записка о травах, среди которых значилась трава *царевы власы* [Новомберг-

¹ Подробнее о травниках см.: [Ипполитова 2002б].

² Отметим, что растения могут «величаться» не только *царями*, но также *матерями* или *святыми*. Иногда растение величается одновременно царем и святым (*адамова глава 2* [БРАН. 45.9.21. Л. 6—7. № 8; БРАН. 33.15.192. Л. 5—5об. № 15], царем и матерью всех трав (*плакун* [Липинская, Леонтьева 1998, 427; РНБ. Q.VI.39. Л. 22об.]). Есть один случай, когда вместо слова *царь* употреблено слово *князь* (*адамова глава 2* [Забивкин 1911, 13 (№ 9)]). Известно только по работе И.Е. Забелина растение *царь царем* величается не *царем*, а *главой* всех трав и деревьев [Забелин 1912, 262].

ский 1909, 100—101]. В следственном деле 1732 г. сохранился заговор «к суду», где говорится о царе трав, которому кланяются все травы [Смилянская 2002, 128].

По структуре «царские» фитонимы делятся на два типа: 1. слово «царь» + имя собственное (вторая часть может отсутствовать или заменяться словом «трав»; например: *царь*³, *царь Иван*, *царь Мурат*, *царь Сим*); 2. прилагательные «царский», «царев» + существительное (*царские очи*, *царские кудри*, *царской двор*, *царев страх*). «Царские» фитонимы, равно как и фитонимы, образованные от других терминов социальной лексики, хорошо известны и в устных славянских традициях (русский язык: около 15 «царских» фитонимов, относящихся почти к 30 ботаническим видам [Анненков 1878, указ.]; сербохорватский язык: 22 «царских» фитонима для 24 видов⁴ [Симоновић 1959, 682]). При этом в народной номенклатуре, так же как и в травниках, слово «царь» может быть включено в фитоним целиком и являться начальным элементом двучленного «имени» растения (типа *царь-трав*, *царь-зелье*, *царь мордвин*, *царь мурат*, *царь муром*, *царь*

³ Здесь и далее курсивом обозначаются фитонимы в конкретных списках, жирным шрифтом — «метафитонимы», т.е. некое инвариантное наименование растения в разных списках (типовой текст). «Метафитоним» не всегда совпадает с названием растения в конкретном списке (одно и то же растение в различных списках может называться по-разному), поэтому по приводимым в настоящей статье «метафитонимам» не всегда видно, что они относятся к «царским» растениям (растение может иметь «царское» название только в одном списке, поэтому «метафитоним» не будет «царским»). Соотношение «метафитонимов», фитонимов и их привязку к конкретным спискам см. в «Указателе типовых текстов о растениях» [Ипполитова 2004, прил. 1], подборку текстов о «царских» растениях см.: [Там же, прил. 3].

⁴ Наряду с «царскими» в сербохорватском языке известны и «королевские» фитонимы, т.е. образованные от слова *краљ* «король». Например, фитоним *краљевац* относится, в частности, к различным видам чертополохов — *Carlina*, *Cnicus benedictus* [Симоновић 1959, 591]. Один из чертополохов обозначает и чешский фитоним *kralovske zeli* (род *Eryngium*) [Анненков 1878, 317].

сил), либо фитоним образуется по модели: прилагательные *царев* или *царский* + существительное (*царев лист*, *царевы очи*, *царские очи*, *царские кудри*, *царский посох*, *царский скипетр*) [Анненков 1878, указ.].

Из приведенных примеров видно, что именование растений «царями» достаточно распространено в русской (и шире — славянской и европейской [Симоновић 1959, 792, 826, 882]) ботанической лексике как в устной, так и в рукописной традиции. Это позволяет говорить о том, что подобная номинация не является случайной и должна иметь некоторые культурные основания. Рассмотрим сначала материалы о «царях» в русской устной традиции, затем перейдем к анализу образов «царских» растений в травниках.

Поверья о «царях» в устной традиции

Богатый материал для реконструирования образов «царя», «князя», «боярина» и т.д. дает русская диалектология. Разным аспектам этой темы посвящен ряд работ [Меркулова 1967, 157—158; Байбурин, Левинтон 1975; Березович 2000, 454—458].

Основными номинативными признаками для терминов типа *царь*, *князь* в диалектной лексике будут: 'особо значимый', 'главный', 'уникальный', 'лучший по качеству', 'первый в ряду' [Березович 2003]. Например, *царево вино* 'очень вкусное вино' [СОС 1986, 187], *князек* 'самый богатый мужик в деревне' [СРНГ 13, 352], *княжик* 'белый гриб' [Там же, 349]; *князек* 'первый, лучший сбор ягод, грибов' [Там же, 352]; *князек* 'высший сорт льняной кудели' [СРГС 2001, 78]. Примеры можно множить.

Представляется, что в XVII—XVIII вв. термины социальной лексики имели более глубокий смысл. По наблюдениям Б.А. Успенского, в XVII в. слово *царь* «воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен — наименование человека "царем" в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский 2000, 37]. Очевидно, мистический

(или, по крайней мере, магический) смысл это слово могло иметь при наименовании им не только человека, но и других реалий и персонажей. Рассмотрим в этом ракурсе сначала материалы о «царях» в народной ботанике, зоологии и демонологии, а затем в рукописной традиции XVII—XVIII вв.

Народная ботаника. Как мы отметили, «царские» фитонимы хорошо известны и по устной традиции. При этом многие из «царских» растений русской народной ботаники имели большое значение в медицинской и магической практике прошлого.

Одно из самых ранних свидетельств о применении *царь-травы* (в данном случае аконита, *Aconitum lycoctonum* L.) оставил адъюнкт Академии наук И.И. Лепехин в своих «Дневных записках» путешествия по России в 1768—1769 гг. Согласно им, *царь-трава* была хорошо знакома знахарям г. Владимира: «Дворница, старуха пожилая, которая в городе, как мы после спроведали, за сродницу Эскулапову почиталась, увидя копенку трав, спрашивала у нас: на какую потребу мы травы собираем? Но как мы ей ответствовали, что мы никакого другого к тому предмета, кроме любопытства, не имеем и силы сих трав не разумею, то она столь была ободрена нашим ответом, что не оставила и похулить нашего предмета и, возгордясь своим знанием, сказала: “И золото в руках незнающего — грязь”. Потом взяла Царь траву, и, называя ее земным сокровищем, отрадою болящих и проч., вознамерилась быть нашим Иппократом. “Ето Царь трава, — продолжала она, — трава над травами, угодная во многих болезнях, от утробы, водяной болезни, от матки, когда она засядет в горле; от паралича, от всякой нечисти”. Я бы без сумнения навел страх читателю, естли бы привел здесь толкования почтенной нашей бабушки на помянутые болезни» [Лепехин 1771, 16—17]. Приблизительно так же хвалил *царь-траву* отставной офицер в г. Арзамасе (к сожалению, И.И. Лепехин не привел своего разговора с ним) [Там же, 74].

Из слов знахарки ясно, что *царь-трава* считалась своего рода панацеей. Ле-

чебная сила растения подчеркнута тем, что о нем сразу говорится: «угодная во многих болезнях», а далее следует перечень разнообразных и тяжелых заболеваний, который, вероятно, приведен И.И. Лепехиным не полностью (он поссорился со знахаркой, и та перестала рассказывать). Возможно, Лепехин опустил и другие, нелечебные функции, из которых упомянуто только одно апотропейное свойство: «от всякой нечисти».

Безусловный интерес представляют выражения, которыми пользовалась владимирская знахарка в своем рассказе о *царь-траве*. Первая фраза, с которой старуха начинает разговор («И золото в руках незнающего — грязь!»), относится еще ко всей «копенке» трав, собранной Лепехиным. Но тот факт, что сразу после этого знахарка вынимает из копенки *царь-траву*, позволяет предположить, что под «золотом» она имела в виду именно это растение.

Таким образом, особый статус *царь-травы* подчеркнут не только функционально (в наделении растения лечебными свойствами), но и вербально: в сравнении с золотом, именовании растения «травой над травами», «земным сокровищем», «отрадою болящих». Важно, что оценить силу *царь-травы*, по мнению знахарки, мог не каждый: в руках *незнающего* (это слово здесь терминологично — имеется в виду человек, не обладающий эзотерическим знахарским знанием), каковым в глазах знахарки являлся Лепехин, золото превращается в грязь, т.е. *царь-трава* теряет свои чудесные свойства.

О популярности «царских» трав в народной медицине свидетельствуют и более поздние русские материалы. Приведем лишь некоторые примеры. Живокость высокая, *Delphinium elatum* L. (*царь-зелье*), применялась при ожогах, для лечения эпилепсии, водяной болезни, сифилиса; ею кормили овец от глистов, детям давали пить корень в молоке [Анненков 1878, 124]. Ясенец белый, *Dictamnus albus* L. (*царь-трава*), считался хорошим средством для провоцирования месячных, против слабости желудка, глистов, лихорадки, эпилепсии, меланхолии

[Там же, 126]. Разные травы, носившие название *царевы очи*, как полагали, лечили глазные болезни [Там же, 149]. Приписывались «царским» травам в устной традиции и магические свойства. Так, считалось, что *царь-трава* (аконит, *Aconitum*, либо лютик, *Ranunculus*) прогоняет нечистую силу [Там же, 290].

Поверья о необычайной силе «царских» трав дожили и до наших дней. В «Словаре народных названий растений Урала» зафиксировано семь «царских» фитонимов: *царь-зелье*, *царь трава*, *царица лугов*, *царевы очи*, *царская свеча*, *царские кудри*, *царский корень* [Коновалова 2000, 201–202]. Согласно наблюдениям автора словаря, в фитонимах, происходящих от слов *царь*, *князь*, *боярин*, актуализируются значения ‘красивый’, ‘лучший среди остальных’, ‘силенодействующий’ [Там же, 62]⁵. Приведем несколько примеров в доказательство этого тезиса (далее везде выделено мной. — А.И.): «Даром што ли *царевы очи* зовут, виш, **красиво** как» (камнеломка болотная, *Saxifraga hirculus*; Серовский р-н Свердловской обл.) [Там же, 201]; «*В лесу щас иногда встречацца, редко; царски кудри, потому што завитушкам таким **красивым** цветки, как бы так срыжа и маленько в крапушки*» (лилия кудреватая, *Lilium martagon*; Шалинский р-н Свердловской обл.) [Там же, 202]; «*Царь-зелье — така **мучительна** трава, говорят, што от ее память потерять можно, себя не спомнишь*» (живокость высокая, *Delphinium elatum*; Полевской р-н Свердловской обл.) [Там же]; «*Царска свеча — **тайна** трава, большу **силу** имеет*» (пласун, *Lusorodium*; Тугулымский р-н Свердловской обл.) [Там же]; «***Всех полезней** царь-трава, от ее хоть кака боль утих-нет*» (аконит джунгарский, *Aconitum soongoricum*; Березовский р-н Пермской обл.) [Там же]. Известен еще один текст о *царь-траве* (без ботанической идентификации), записанный на Сред-

нем Урале в 1998 г.: «*Сарь-трава находит на щеремику, но растет на покосах, как дудочка, светки розовы, запашисты. Она пересекает **шибко много болезней***» [Картотека СРНГ]. На наш взгляд, тезис Н.И. Коноваловой можно дополнить следующими определениями: ‘редко встречающийся, труднодоступный’, ‘имеющий лечебную силу против разных болезней (панацея)’.

Представления о магических свойствах «царских» растений сохранились и на Русском Севере. Так, в Каргополье в обрядовых целях использовали растение трясунку среднюю, *Briza media* L., которое в ряде селений района до сих пор носит название *царски кудри*. Им вместе с можжевельником парили подойники, чтобы были хорошее молоко и сметана, кропили с его помощью святой водой в доме, хлевах, на иконы и в колодцы, а также на умерших, ставили к иконам и т.п. [Мороз 1997, 33].

В устной традиции существуют параллели и для величания. У разных народов Восточной Европы известны формулы-обращения к дикорастущим растениям, в которых использовалась социальная лексика⁶. Так, в Юрьевском у. Владимирской губ., чтобы вывести у скотины червей, нужно было три вечерних и три утренних зари приходиться к чертополоху и, став лицом на восток, произносить следующий заговор: «*Мордвин, мордвин, ты, царь трава чертополох, выведи червей (у такой-то шерсти скотины и там-то). Если ты не выведешь, я твой корень выведу*». Проговорив трижды эти слова, следовало заломить стебель растения [Майков 1994, 77 (№ 201)].

Галицкие украинцы, копая растение красавка, *Atropa beladonna* L., с добрым намерением, называли его *царичка*, обнимая и целуя, а с дурным — *матригуна* (т.е. мандрагора) или *німиця* (т.е. белена черная, *Hyoscyamus niger* L.), при этом

⁵ О связи «боярского» фитонима с красотой растения говорит наблюдение С.Г. Гмелина: при впадении р. Хопра в Дон произрастало растение *боярская спесь*, называемое так в этой местности по красоте своих цветов [Гмелин 1806].

⁶ В травниках собственно формулы-обращения не встречаются, но можно предположить, что косвенно на них указывает величание (так, фраза «...сия трава именуется *царь...*» об *адамовой главе 1*, возможно, означает, что к этому растению обращались «*Ты, трава царь...*»).

растение проклинали [Gustawicz 1882, 229].

Равным образом эстонцы, собирая розмарин в качестве заменителя хмеля, говорили: «*Terre Metzkunningas, se Mahkunningas pallub sünnult abbi!*» («Здравствуй, лесной царь! Царь этой земли просит у тебя помощи!»). Считалось, что, если собирать розмарин с этим приговором, он будет так же хорош в пиве, как и настоящий хмель [Зеленин 1930, 58].

Поляки для лечения коня использовали осот (*Carduus*). Следовало сорвать растение, перевернуть его корнями вверх и трижды сказать приговор, начинающийся с обращения «*Мой пан осот...*» [Gustawicz 1882, 240].

Социальная терминология могла употребляться и по отношению к культурным растениям, особенно к злакам. К термину «царь» в русских говорах оказывается близким другой термин — «князь». В Томской губ. князьками называли высокие, вызревающие раньше остальных колосья [Потанин 1864, 3] и верхушки льняных стеблей с цветками [СРНГ 13, 352]. В Вятской губ. так же называли высокие колосья с крупным колосом, их брали на семена [Там же]. Сходные представления о колосьях на ниве существуют у южных славян. В разных местах Болгарии главные и самые сильные колосья назывались *царове* («цари») или *мать нивы*. За такими колосьями с чужих полей охотились ведьмы, чтобы перевести с них урожай на свое поле [Агапкина 2002, 402]. Связь плодородия злака с его именованием социальным термином подтверждает и русская поговорка о гречихе, которую нужно убрать до морозов, иначе всё зерно осыплется на землю: «*Государыня гречиха стоит боярыней, а хватит морозом — веди на калечий двор*» [Максимов 1995, 121].

Согласно исследованиям Е.Л. Березович, в русской топонимии «царские» и «княжьи» названия реализуют признак «выделяющийся по каким-либо качествам». Интересно, что исследовательница приводит среди прочих примеры, связанные с плодородием (земли, угодий): 68 покос *Царская* — «хороший покос», по-

кос *Царёво* — «земля там хорошая»), в другом случае — с изобилием (например, воды: река *Княжая* — «река большая, хорошая, больше других ручьев. Как бы княжеская — оттого, что большая») [Березович 2000, 458]. Симптоматичны и примеры, приводимые из апеллятивной лексики: *княжно* «об изобилии всего где-либо» (Карелия), *князь (сам-князь)* «высокий урожай зерновых» (новгор.) [Там же, 458].

Народная зоология. Согласно традиционным представлениям славян, некоторые виды животных могут иметь своего главу — царя / короля (звери, птицы, рыбы, змеи) или патрона, покровителя, «хозяина» (волки, пчелы, воробьи, рыбы и др.) [Гура 1997, 20]. Такой «царь», как правило, отличается каким-либо признаком от остальных животных своего вида: царь волков — это белый волк, царь и царица змей могут быть белого цвета или иметь особый знак или атрибут на голове (драгоценный камень, золотая корона, звезда, золотые рожки и т.п.) [Гура 1997, 158, 293—294 и др.]. По славянским поверьям, обладание этими чудесными змеиными атрибутами приносит их владельцу счастье, богатство, необыкновенные способности [Гура 1997, 322].

Русские Сибири называли «князьками» животных необычной масти, причем считалось, что они приносят счастье. В.А. Меркулова пишет: «Известно, что *князьком* принято называть животное необычной для данного вида масти: белую куницу, белого соболя, мышь и т.д.; а также колос необычных размеров» [Меркулова 1967, 157]. Далее автор ссылается на записки забайкальского охотника А.А. Черкасова (1867): «Промышленники утверждают, что бывают соболя, хотя и чрезвычайно редко, совершенно белые; их, как вообще выродков, здесь промышленники называют соболями князьками; они ими очень дорожат и, по суеверному обычаю, держат их в домах» [Черкасов 1958, 172]. «Сибиряки относительно выродков, или князьков всякого рода зверей, чрезвычайно суеверны. Иной промышленник ни за что и решительно никому не скажет, если ему случится добыть какого бы то ни

было князька. Некоторые тайком держат шкурки этих выродков у себя в домах, никому не показывая их, и считают это за особое счастье, приписывая такому обстоятельству всевозможное добро: что хозяин и богат-то будет, и скот-то у него не будет падать, и хлеб-то хорошо станет родиться...» [Там же, 99—100].

В Прибайкалье *князьком* называли белку с ушами, спинкой и хвостом красноватого цвета. Считалось, что если убить такого *князька*, то будет удача в охоте [СРГС 2001, 78]. В Вятской и Самарской губ. *князьком* называли большую длинную пчелу, приносящую, согласно поверью, счастье пчеловодам [СРНГ 13, 352]. В окрестностях городов Мышкин и Переславль-Залесский *князем* именовали сельдь с розоватыми плавниками, плывущую впереди стаи, и плотву с ярко окрашенными (красными) плавниками [Там же, 353—354; ЯОС 5, 41]. По словарю В.И. Даля, в русских говорах слово *царек* может обозначать мышь, ласточку или воробья белого цвета (без указания места) [Даль 1955, 571].

О феномене «князьков» писал и Д.К. Зеленин: «Прямым наследником такого «звериного хозяина» является в народных представлениях так называемый «князек» — русское название для выродков разных животных — зверей, рыб и пчел, необычного цвета, выдающейся величины или имеющих какой-либо иной необычный признак. Такие «князьки» считаются у русских сибиряков талисманами счастья, как охотничьего, так и иного» [Зеленин 1929, 63].

Таким образом, в народной биологии некоторые растения и животные могли обозначаться при помощи терминов социальной лексики: *царь*, *князь*, *король*, *боярин* и производных от них. Основаниями для этого служили внешние признаки: необычная расцветка, размер (высокий, большой), чудесный атрибут, красота, редкость. Такие представители мира природы, как правило, наделялись и особыми, полезными для человека функциями. Дикорастущим растениям приписывалась выдающаяся лечебная сила, апотропейные (оберег от нечистой силы) и продуцирующие (богатство, хорошее молоко и сметана, ле-

чение скота, варение пива) свойства. Культурные знаки ассоциировались с понятиями множества, плодородия, изобилия. Звери могли предвещать счастье на охоте и достаток в доме, змеи — богатство, счастье, необыкновенные способности.

Демонология. Интересная параллель описанному выше способу номинации обнаруживается в русской мифологической лексике, где также известны персонажи, именуемые «царями», например *царь лесной*, *царь водяной*, *царь Муравей*, *царь Белый Волк*, *царь Мануил*, *царь Шустия*. Они встречаются в заговорах, быличках или обращениях к домовым, дворовым, водяным, лешим и др. («*Царь хозяйюшка дворовой! Царица хозяйюшка дворовица!*»).

Согласно типологии О.В. Черепановой, такие персонажи нередко соотносились с какой-либо пространственной сферой (*царь болотный*, *полевой царь* и т.п.), стихией или веществом (*хрустальный царь*, *царь Огонь* и др.), животными (*царь Воробей*, *Кит Морской-царь водяной*), что подчеркивалось в их именах [Черепанова 1983, 20—22; Власова 2000, 524—525]. Для заговорной традиции характерно упоминание царей, наделяемых именами собственными: *царь Аддей*, *царь Вавилон* и др. (что очень напоминает названия «царских» трав в травниках) [Юдин 1997, 137—144].

В отличие от животных и растений, «цари» мифологической лексики редко наделяются какими-либо уникальными признаками, оставаясь персонажами чисто номинативными. Исключением являются довольно подробные описания облика царей водяных и леших в быличках. Так, по поверьям Олонецкой губ., старший леший — *лесной царь* — выглядит как величественный старик или высокий человек в белых одеждах [Власова 2000, 290] (ср. животных-князьков белого цвета).

По отношению к человеку такие «цари», как правило, выступали в положительной роли. К ним обращались с просьбами о прощении («*Царь лесовой, и царица лесовая, и лесовыя малые детушки, простите меня, в чем я согрешила*» (олон.) [Власова 2000, 524]), благосло-

вании («Царь земной и царица земная, и царь водяной, и царь лесной, благословите водушки взять» (пудож. карел.) [Черепанова 1983, 20]), помощи («Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Царь земной, царь морской, царь небесный, спаси и помилуй раба Божьего [имя] от дурного глаза и от лихого человека» (новг.) [Власова 2000, 254]).

В рукописных заговорах XVII в. от оружия встречается персонаж *царь железный*, который объявляется отцом и матерью всему железу и защищающий субъекта заговора от железного оружия [Великоустюжский сборник 2002, 192]. В некоторых местностях России так называемый «живой» огонь, добывавшийся при помощи трения и использовавшийся для прекращения эпизоотий и эпидемий, называли *царь-огонь* (волховск., полоцк., смол., новг., северск. и др.) [Картотека СРНГ].

По А.В. Юдину, цари, упоминаемые в заговорах, выполняют функции помощников (т.е. продуцирующая функция) и защитников (целителей) (т.е. апотропей и лечение) [Юдин 1997, 137—145]. Так, например, в Олонецком сборнике заговоров упоминаются *царь Гонгой* и *царица Гогей* (№ 58), *царь Парфей* (№ 77), *царь Шустия* (№ 124). *Царь Гонгой*, *царица Гогей* и *царь Парфей* связываются с лесным пространством, а *царь Шустия* — с морским. К *царю Гонгою* и *царице Гогее* обращались с просьбой сохранить скот от диких зверей. *Царь Парфей* и *царь Шустия* должны были убересть человека от падающих в лесу деревьев [Срезневский 1913, 496—497, 498—499, 510—511].

Тем не менее, как отмечает О.В. Черепанова, в отдельных случаях цари выступают как сила, от которой необходима защита: например, от царя полевого, царя водяного, царя лесового и его деток «царенят» в заговоре просят защитить скотину. Подобные примеры подчеркивают двойственность функций царей по отношению к человеку, сближая их с персонажами демонологии, духами-хозяевами лесов, вод и пр. [Черепанова 1983, 20].

70 Таким образом, величание мифологических персонажей царями может

иметь несколько причин. Они могут называться царями как хозяева определенного локуса, стихии; как главный персонаж среди прочих (царь лесной — главный над лешими). Величание царями в формулах-обращениях производилось, по-видимому, с целью задобрить, умиловать, заручиться поддержкой соответствующего персонажа. Сходные цели преследовали и собиратели растений, используя в обращениях к ним социальную терминологию.

Представления о «царских» растениях в травниках

При описании растения в травниках используются следующие параметры: название растения, локусы произрастания, высота, особенности строения и цвет венчиков, листьев, стебля, корня, способ сбора, функции и способы применения. В связи с этим материалы о «царских» растениях в травниках представляют значительный интерес, так как мы располагаем сведениями об «образе» растения, существовавшем в традиции.

Внешние особенности «царских» растений. Основным внешним признаком, объединяющим почти все «царские» травы, — цвет⁷ (лишены цветового признака только *верес*, *кликун*, *царь-трава*, *царской двор*, *царь Мурат*)⁸. Как правило, «царские» растения имеют венчики ярких расцветок (*красный*, *багровый*, *рудожелтый*, *желтый*) или даже несколько разноцветных венчиков (2, 4, 12, 21 венчик разных цветов, куда обязательно входят оттенки красного — *красный*, *червлёный*, *багровый*). Существенно, что цветообозначения *багровый*, *рудожелтый* и *червлёный* достаточно редки в травниках и за немногими исключениями характерны только для «царских» растений.

Багровый цвет встречается в описаниях растений *адамова глава 2*, *царские очи*, а также в единичных вариантах о

⁷ Подробнее о символике цвета в травниках см.: [Ипполитова 2002а].

⁸ Указание на цвет присутствует лишь в одном варианте из семи [Флоринский 1879, 10 (№ 38)].

царевых очах и царе Мурате: «Трава называется Адамова Глава <...> растет кустиками по 10, по 15 и по 16 листков вместе, вышиною в пядь, а цвет багров, а иной рудожелт, а как розцвет, ино велми хороша кувшинцами и всяким видом» [РНБ. Q.VI.31. Л. 97. № 16] (адамова глава 2). Рудожелтый (т.е. красно-желтый, приблизительно соответствующий современному оранжевому) цвет характерен для растений адамова глава 1 и 2: «Есть трава Адамова Глава, растет собою в локоть, кустиками, при болотех раменских, цвет на ней рудожелт, кувшинцами, а листов на ней по 9 и по 12» [РГБ. Шиб. № 289. Л. 1. № 1] (адамова глава 1).

Весьма значительна группа полихромных трав: двуцветных (царь Симан) и четырехцветных (архилин, семитар, царь Сим). В некоторых списках наделяется многоцветием и адамова глава 2: «Трава адамова глава <...> цвет на ней бел или рудожелт, багров или рудожелт, багров или синь, а как отцветет, ку[в]шинцы всяким видом, цветом» [БРАН. 33.14.11. Л. 33. № 71]. Полихромия характерна и для известной по лечебнику травы король: «Первая трава король, на ней 12 цветов разных... а цвет, что колокольцы, а в середке кувшинов нет, а на всякой отрасли разные цветы и до самого верха, а отрасли и цветы часты, и всех разных цветов будет 12. А цветы красной, зеленой, черной, белой, лазоревой, желтой, осиновой цвет, мясной цвет, кирпичной, красновишневой, темновишневой, что павиного хвоста конец...» [РГБ. Ф. 218. № 357. Л. 75].

Наконец, для двух растений цвет венчиков не называется, но говорится об их множественности и разнообразии (из текстов неясно, идет ли речь о форме или цвете) — это царь Иван и осот 1. «Есть трава Царь Иван, растет при морях и при больших реках, собою в локоть, от одного корени три отрасли, а цветов на ней двадцать один разных» [РГБ. Муз. № 4492. Л. 11об.—12. № 22] (царь Иван). «Царев страх растет <...> собою светла, листочки кругленькия, что денешки, цвет разнovidной, и кажутся по ней разные узоры, корень бел, чист, как ярой воск» [РНБ. F.VI.16. Л. 2. № 8] (осот 1). Вооб-

ще, мотив множественности — цветов, стеблей и листьев — достаточно характерен для ряда «царских» растений.

Высокая интенсивность цвета достигается путем уподобления венчика или другой части растения золоту или огню. С золотом связаны три «царских» травы: царевы очи, царские очи, царские кудри. «Около цвету увилося кудрями, видом власно, что позолота» [РНБ. F.VI.16. Л. 2об. № 11] (царские кудри). Логическим завершением идеи яркости и блеска становится свечение цветка: «Трава Царь или Царем Царь, всем травам и древам глава, видом ни трава, ни древо; постасием много походит на древо березу; цветет около Петрова дня, а издали кажет, будто огонь горит» [Забелин 1912, 262] (царем царь).

Итак, для «царских» растений цвет является основным общим признаком, формирующим их визуальный образ. Благодаря своей яркой и подчас необычной окраске эти растения зрительно выделяются на фоне других. Важна и символическая нагрузка, которую несут присущие «царским» растениям цвета. Различные оттенки красного цвета и золото считались в Древней Руси атрибутами царя и высокопоставленных особ [Панченко 1968, 14, 15; Соколова 1995, 230; Вендина 1999, 287, 300]. Это означает, что употребление цветообозначений в описаниях «царских» растений не случайно — цвет здесь является своеобразным атрибутом «царского» достоинства этих трав.

На материале травников видно, что понятия цвета и света тесно связаны с понятием красоты. Это проявляется на уровне языка. Так, например, из описания травы царевы очи не совсем ясно, идет ли речь о цвете, о красоте или о том и другом одновременно: «...красна собою, листочки красны, цвет красен» [РНБ. Q.VI.18. Л. 35]. В описаниях осота 1 сближаются понятия красоты и света: «Царев страх растет по сильным раменьям, ростом в четверть, кустиками, собою светла, листочки кругленькия, что денешки, цвет разнovidной, и кажутся по ней разные узоры, корень бел, чист, как ярой воск» [РНБ. F.VI.16. Л. 2. № 8] (осот 1). О связи с красотой говорит и совпаде-

ние цветов четырехцветных растений с древнерусскими описаниями радуги и атмосферных явлений типа гало [Ипполитова 2002а, 278—279].

Представления о тесной связи образа царя со светом и красотой отражены и в заговорной традиции. В Олонецком сборнике заговоров (вторая четверть XVII в.) говорится: «*И как свет сеи блистаетца и Христос наряжаетца, свет настал и Христос народис(ь), и как па-дут утренные и вечерние росы на землю и на во<ду>, тако ж бы пала красота и лепота царя и господаря и великого князя Михаила Федоровича всея Руси*» [Срезневский 1913, 491 (№ 32)]⁹.

Наконец, подчеркнутая полихромия ряда «царских» трав, а также золотой блеск и свечение указывают на то, что это растения не обычные, а чудесные (ср. популярный в славянском мире мотив свечения папоротника в Иванову ночь [Агапкина 2001, 169]).

Некоторым «царским» растениям приписываются и другие чудесные особенности. Кратко укажем на основные: антропоморфный корень (**адамова глава 1, кликун, семитар, царской двор, царь-трава**), способность издавать звуки (**кликун**); растению кланяются другие травы (**кликун**); растение представляет собой нечто среднее между травой и деревом (**царем царь**). Все эти мотивы могут встречаться и за пределами группы «царских» растений и характеризуют не только ее.

О необычности «царских» растений свидетельствуют и встречающиеся в некоторых текстах указания на способы поиска растения или ритуал сбора. Так, например, **царем царь** и **осот 1** сложно отыскать, потому что они не всякому показываются на глаза. «*Не всякому ищущему кажется, а кто ее нечаянно найдет, хотя и заметит, но в другой раз уже найти не может, скроется*» [Забелин 1912, 262] (**царем царь**). В одном из вариантов текста о **кликуне** говорится: «*Близ себя человека не допускает и семя с себя долой скидает, не дает человеку взять...*» [Забелин 1912, 263].

⁹ Титулы и имя царя в приведенном отрывке зашифрованы тайнописью.

Особый статус «царских» растений подчеркивает и то обстоятельство, что некоторые из них рекомендовалось собирать, пронимая сквозь серебряную или золотую гривну (**адамова глава 1, архимлин, семитар**), в Иванов день (те же и **царь Сим**). С крестом и с молитвами нужно было рвать **адамову главу 2**.

Наконец, значимость «царских» трав может быть графически подчеркнута в самой рукописи. Так, например, в Лицевом травнике конца XVIII в. (РГБ. Муз. № 4492) с прописной буквы написаны названия всех «царских» растений (**Царь Аросалим, Царь Иван, Царь Симан, Царь Самурам, Адамова глава, Парамон**), а также «матери всех трав» — **Плакуна**.

Функции «царских» растений в травниках. Можно выделить четыре основные группы: 1) универсальные функции; 2) лечебные функции; 3) социальные функции; 4) разнородные функции продуцирующей семантики. В основе всех функций лежит принцип магического воздействия.

1) Универсальные функции (возможность использования растения в любых целях). «*А силу она в себе имеет такову: к чему хошь, к тому и годна*» [БРАН. 45.8.175. Л. 13. № 77] (**кликун**); «*Та трава угодна ко всяким вещам и ко всяким болезням*» [РГБ. Муз. № 4492. Л. 17об. № 33] (**царь Симан**). Можно сказать, что эти растения являются самыми сильными, поэтому они и могут быть использованы в любых целях. За пределами группы «царских» растений имеются лишь единичные примеры наделяния растений универсальной функцией.

2) Лечебные функции. В рукописной традиции лечебные функции не являются ведущими. Ни одно из «царских» растений в травниках не наделяется только лечебными свойствами. Более того, «царским» растениям не приписывается лечебных свойств утилитарного характера — они основываются на магическом воздействии.

Существен сам характер болезней, на которые направлены лечебные свойства «царских» трав. Это заболевания, воспринимаемые традицией как особо тяжелые, неизлечимые, в некоторых слу-

чаях демонологической природы, требующие магического вмешательства: психические заболевания («ум рушится» — **царь Симан**; от «черной болезни» (т.е. эпилепсии) — **царь Сим**, **царь Мурат**, **архилин**; от кликушества — **царь Иван**); застарелая порча (**архилин**); глухота (**царь Симан**); заживление любой раны за три дня (**адамова глава 2**).

Воздействие трав **царские очи** и **царские кудри** строилось на основе этимологической магии. **Царские очи** рекомендовалось использовать для лечения глаз: «И та трава велми добра, аще у кого очи болят, и ты держи при себе, отнюдь болеть не станут» [РГБ. Унд. № 1072. Л. 31—32. № 91]. **Царские кудри** — для того чтобы хорошо росли волосы и не болела голова: «Пригодна, у кого на голове нету волос, парить травую, то волосы будут тонки и гладки. А естли у кого болит голова, то корень облепить воском и зашить в шапку. А есть ли бабе — то в кокошник»¹⁰ — голова болеть не станет» [РНБ. F.VI.16. Л. 2об. № 11].

3) Функции социальной направленности. Примечательно, что в тех немногих случаях, когда в травнике дается мотивировка величания царем, она связывается именно с социальными функциями: «А цвет ея угоден носить на главе — и тот человек достоин будет всякой чести и почтен будет везде, по том трава именуется царь» [РГБ. Шиб. № 289. Л. 1. № 1] (**адамова глава 1**).

Эта же связь прослеживается и в других жанрах «низовой» рукописной традиции XVIII в. Так, например, в заговоре на власть из следственного дела 1732 г. имяреку должны кланяться все власти, как кланяются травы царю трав: «И как царю травы все травы покланяются, и повиноватца, и постилаютца, и такожь бы мне, рабу Божию имрак, покланялися, и повиновалися, и постилалися всякия власти и государевы начальные люди имроку на дороги и пути, и на всяком месте, и сидя в государевой судебны палаты, по вся дни, по вся ночи и по вся часы и по всю

двадцать четыре часа. Аминь» [Смилянская 2002, 128].

В следственном деле 1708 г. упоминается записка о травах, среди которых значилась трава *царевы власы*. По утверждению одного из донесших, спутавших растение с реальными волосами царя, в записке было написано: «Буде кто похочет достать царских волос, и как станет бить челом Г<осударю>, и он Г<осударь> милостив будет» (именно этот фитоним послужил поводом к доносу, на основании которого было заведено дело) [Новомбергский 1909, 100—101].

В одном из лечебников первой трети XVIII в. царем рыб назван осетр, а его глаз рекомендовалось использовать «на подход к властям»: «Осетр в рыбах царь, око его десное носить на себе, аще пойдешь к великим людям, и ты любим будешь и честен велми» [Смилянская 2002, 130].

В текстах о «царских» растениях встречаются разнообразные случаи реализации социальной функции. Например, растение могло использоваться в качестве средства, помогающего расположить окружающих людей и власть предержащих. «Есть трава царской двор, корень — человек на коне, у него на правой руке копые. Та трава добра к людям» (**царской двор**) [РНБ. Тит. № 4285. Л. 21об. № 5].

Зачастую одно и то же растение помогает достичь социального успеха сразу в нескольких областях; функции в таких случаях будто нанизываются друг на друга. «Есть трава Царь Сим <...>. Та же трава угодна — корень ея, ходить с нею в воду и мельницы ставить, плотником — церкви сооружать, и кто ходит высоко, а кажется на земли, и страху нет. Та же трава добра, хто хочет на бой ехать, возьми с собою корень тое травы и потри саблю свою, и пицаль, и стрелы — и ты сам будешь полковник, и всех обладаешь. Добро ея держать царю, и князю, и купчине — его же учнут бояться вси орды и земли» [РГБ. Муз. № 4492. Л. 20об.—21. № 38] (**царь Сим**).

В травниках мотив социального успеха (расположение окружающих, начальства, судей и проч., а также обереги от злых людей, колдунов, еретиков и

¹⁰ В рукописи утрата бумажного слоя. Текст в квадратных скобках восстановлен по смыслу.

нечистой силы) тесно переплетается, с одной стороны, с любовной магией (например, удачная женитьба), а с другой — с воинскими оберегами и мотивом бесстрашия. Подобная близость функций характерна и для рукописной заговорной традиции XVII—XVIII вв. [Топорков 2005, 197—201].

Интересные параллели обнаруживаются к фитонимам *царские очи* и *царевы очи*. Это словосочетание представляло собой клише и встречалось в текстах разных жанров (дипломатическая практика XVI—XVII вв., публицистические сочинения, в частности «Слово похвальное великому князю Василию» начала XVI в., заговоры «на власть» и др.). Анализ этих текстов показывает, что выражение *царские очи* следует понимать в связи с представлениями о силе взгляда, при этом *царские очи* являются противоположностью «дурному глазу» (см. подробнее [Ипполитова 2006]).

4) Прочие функции «царских» растений можно объединить в связи с их продуцирующей семантикой. Напомним, что эта функция релевантна и для устной традиции.

В травниках подобные функции могут быть направлены на то, чтобы скотина, пчелы «велись», а также чтобы оберечь их от болезней и нечистой силы. «Трава Мурат-царь <...> Угодна держать в домах и хоромы на ней ставить; понеже тоя хоромины нечистый дух отнюдь не коснется человеком и скоту. От черной болезни добра» [ОГВ 1884, 395] (**царь Мурат**). «Есть трава царевы очи <...>. И та трава добра держать в дому к животу и скотом и человеком велми ползует <...>. Она ж добра пчелы окуривать» [РГБ. Шиб. № 289. Л. 38об. № 86] (**царевы очи**).

Продуцирующая сила «царских» трав могла быть использована для лечения женщин от бесплодия. «Есть трава на земли именем архилим <...>. А корень ее добр: у которой жены детей нет, и ты истопи того коренья в каком ни есть молоке и дай пить, то будут дети» [Губерти 1859, 77 (№ 1)] (**архилин**). «Трава адамова глава <...>. А корень ее давать женам, кои детей не родят — будут де-

ти: прежде дочь, потом и сын» [РГБ. Унд. № 1072. Л. 25аоб.—26об., № 1] (**адамова глава 1**). «Есть трава именем на земли глава адамова <...>. А кому женъкы дитя не родитця, дай пить, родит» [БРАН. 33.15.192. Л. 5—5об. № 15] (**адамова глава 2**). «Есть трава Парамон, та трава всем Царь, той парамон, <...> а корень тое травы — человек, <...> и то печень сварить того человека, варить в молоке и пить по 3 дни и утра той жене на тоще сердце — и родится дитя: девица, потом и отрок» [РГБ. Муз. № 4492. Л. 58—58об. № 95] (**семитар**).

Некоторые из «царских» растений использовались в целях достижения достатка и изобилия в различных хозяйственных делах, например на охоте, в торговле. «Есть трава царь Аросалим <...> Или похощешь птиц ловить или зверей, носи при себе траву и уловишь много» [РГБ. Шиб. № 289. Л. 2. № 3] (**царские очи**). «Царев страх <...>. Пригодна естли станешь что торговать, то держи ея при себе, то щастие великое иметь будешь в торгу, где бы ты ни был, то въ[сходу]¹¹ добро будет» [РНБ. F.VI.16. Л. 2. № 8] (**осот 1**).

Завершая обзор, попробуем объяснить причины наделения растений соответствующими функциями. Достаточно легко объяснимы универсальные и лечебные функции. Напомним, что, согласно материалам диалектной лексики, слово «царь» может иметь значения 'выделяющийся по каким-либо качествам', 'самый лучший' и т.п. Ясно, что самое лучшее растение в идеале должно быть годным к любому делу или, по крайней мере, способным вылечить самую тяжелую болезнь.

Продуцирующая функция, связь с плодородием соотносится с мотивом множественности (цветов, листьев, побегов, семян). В то же время здесь может играть роль и связь слова «царь» с понятиями богатства, изобилия. Ср. в современной лексике говоров Русского Севера: *царёк* 'зажиточный человек'; *царство* 'счастье', 'хорошая жизнь' [Картотека СРНГ (Пинега, записи 1974—1975 гг.)];

¹¹ Здесь в рукописи утрата бумаги размером в три-четыре буквы, текст в квадратных скобках восстановлен по смыслу.

в Сибири: *князьки* 'самые первые поспевшие ягоды' [СРГС 2001, 78].

Значение «царских» растений в социальной магии обусловлено несколькими причинами. Во-первых, здесь имеет место этимологическая магия. Владелец «царского» растения и сам будто бы становится царем, и его все начинают любить (или бояться). Во-вторых, магия может быть основана не на соотношении слов, но на соотношении образов — растения и человека. Красота растения символически переносится на его владельца, и все окружающие начинают его любить. Интересно, что оба указанных приема характерны и для рукописных заговоров XVII—XVIII вв.¹², но в устной «биологической» традиции, как мы видели, нет данных об использовании «царских» растений и животных в социальной магии.

Таким образом, материалы о «царских» растениях в устной и рукописной традиции обнаруживают значительное сходство на уровне структуры фитонимов и величаний (в некоторых случаях наблюдается и буквальное совпадение фитонимов: *царь Мурат*, *царь Муром*, *царские очи*, *царевы очи*, *царские кудри*); внешних образов (красота, маркированность цветом, рост и множественность побегов); функций (наделение магическими свойствами, универсальные, лечебные, продуцирующие функции). Особенностью «царских» растений в травниках и лечебниках является их наделение социальными функциями, чему имеются параллели в рукописной традиции XVII—XVIII вв. (заговоры «на власть»), но, как кажется, нет подтверждения в устных текстах.

¹² Выше мы уже приводили пример из заговора о царе трав, которому кланяются все травы. Магическое воздействие здесь основано на параллелизме: «как царю трав поклоняются все травы... так и мне бы кланялись все люди». Для заговоров на власть характерно также использование мотива красоты (как и в травниках, связанного со светом и сиянием), относящегося к субъекту заговора. При этом предполагается, что окружающие возлюбят последнего благодаря его красоте [Топорков 2002, 58].

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ВЫЯВЛЕННЫХ В ИСТОЧНИКАХ «ЦАРСКИХ» РАСТЕНИЙ¹³

адамова глава 1

адамлева глава [РГБ. Унд. № 1072. Л. 25аоб.—26об. № 1]

адамля глава [РГБ. Муз. № 10927. Л. 4об. № 1]

адамова глава [РГБ. Муз. № 4492. Л. 19об.—20; РГБ. Шиб. № 289. Л. 1. № 1; РНБ. Q.VI.18. Л. 25—25об. № 1]

адамова голова [Глинкина 2004, 115—116]

адамова глава 2

адамова глава [БРАН. 45.8.168. Л. 5. № 29; БРАН. 45.9.21. Л. 6—7. № 8; Флоринский 1879, 4, № 6]

глава адамлева [Новомбергский 1909, 76, № 9]

глава адамова [БРАН. 33.15.192. Л. 5—5об. № 15; БРАН. 45.8.168. Л. 14об.—15. № 87]

царь-корень [Липинская, Леонтьева 1998, 427] (контаминация с *адамовой главой 1*)

архилин

Архаим царь [Глинкина 2004, 116]

архилин, или *царь Арлаис* [БРАН. Плюшк. № 212. Л. 5, 40об.]

архипин [ИРЛИ. Вел. № 26. Л. 290об.—291. № 48]

ахалин [Новомбергский 1909, 75, № 1]

царь Ангел [Липинская, Леонтьева 1998, 430]

царь Архангел [Липинская, Леонтьева 1998, 435; РГБ. Унд. № 1072. Л. 30об.—31. № 90; РНБ. O.VI.19. Л. 1об. № 1]

верес

верес [РНБ. O.VI.6. Л. 48об. № 41]

девятисил

девятисил [ГИАЭМЗ «Киж». КП-4281/1. Л. 31—31об. № 118]

дягиль кудрявый

царские кудры [ГИАЭМЗ «Киж». КП-4281/1. Л. 15. № 37]

¹³ В списке приводятся отсылки только на те варианты текстов о растениях, в которых актуализируется их «царскость» (т.е. в фитонимах содержатся слова *царь*, *король*, *царев*, *царский* или растение «величается» царем). Прочие варианты текстов о тех же растениях здесь не указываются.

кликун
кликун [БРАН. 33.14.11. Л. 35. № 77¹⁴; БРАН. 45.8.175. Л. 13. № 77; ОГВ 1884, № 45, 431]

царь Кликун [Липинская, Леонтьева 1998, 456]

король
король [РГБ. Ф. 218. № 357. Л. 35, 75—75об.; РНБ. Q.VI.44. Л. 3об.—4. Гл. 35. № 1]

левуппа
царь Лев [Липинская, Леонтьева 1998, 434]

осот 1
асотр [БРАН. 33.15.192. Л. 6об.—7. № 19]
царев страх [РНБ. F.VI.16. Л. 2. № 8]

плакун
плакун [РНБ. Q.VI.39, травник № 2. Л. 22об.]
плакун-трава [Липинская, Леонтьева 1998, 427]

семитар
парамон [РГБ. Муз. № 4492. Л. 58—58об. № 95]
симитарим [Лахтин 1911, 72—73]
симтарм [Турилов 1998]
сирман, или *покрик* [ИРЛИ. Вел. № 26. Л. 297—297об. № 73]
царь-трава [Пушкарев 1977, 108—109]
царь-трава сам (?) парамонть [ГИМ. Увар. № 114. Л. 15об.—16]

царевы очи
очи царевы [РНБ. Q.VI.18. Л. 35. № 48]
царевы очи [РГБ. Долг. № 111. Л. 30; РГБ. Муз. № 10927. Л. 9—9об. № 21; РГБ. Шиб. № 289. Л. 38об. № 86; Флоринский 1879, 11, № 42]
цареве око [Липинская, Леонтьева 1998, 459]

царем царь
царь, или *царем царь* [Забелин 1912, 262]

царские кудри
царския кудри [РНБ. F.VI.16. Л. 2об. № 11]

царские очи
царские очи [РНБ. F.VI.16. Л. 2—2об. № 10; Губерти 1859, 77, № 2]
царския очи [БРАН. 45.8.168. Л. 10об.—11; БРАН. 45.8.175. Л. 11об. № 66; РНБ. O.VI.19. Л. 2. № 2; Виноградов 1909, 31;

¹⁴ В этом списке вместо слова *царь* написано (либо по ошибке переписчика, либо в целях шифрования) *сафь*: «А именуютца та трава сафь».

Новомбергский 1909, 75, № 2; ОГВ 1884, № 43, 415]

царстии очи [ИРЛИ. Оп. 23. № 121. Л. 67об. № 21]

царь Аросалим [РГБ. Муз. № 4492. Л. 15—15об. № 29; РГБ. Шиб. № 289. Л. 2. № 3]

царьские очи [РГБ. Унд. № 1072. Л. 31—32. № 91]

царьския очи [БРАН. 33.14.11. Л. 31—31об. № 66]

царевы очи [Липинская, Леонтьева 1998, 428] (особый вариант)

царской двор
царскои двор [БРАН. Плюшк. № 212. Л. 14об.; РНБ. Тит. № 4285. Л. 21об. № 5]

царь Иван
царь Иван [РГБ. Муз. № 4492. Л. 11об.—12. № 22; РГБ. Шиб. № 289. Л. 33об. № 76]
царевы аван [Липинская, Леонтьева 1998, 447]

царь Мурат
Мурат-царь [ОГВ 1884, № 41, 395]
царь Марун [РНБ. F.VI.16. Л. 1об. № 6]
царь Мурам [РГБ. Муз. № 10927. Л. 9. № 20]
царь Мурат [Флоринский 1879, 10, № 38]
царь Самурам [РГБ. Муз. № 4492. Л. 48. № 82]
царь Сумарам [РГБ. Шиб. № 289. Л. 38. № 85]

царь Сим
царь Архилин, или *халим* [РНБ. F.VI.16. Л. 1об.—2. № 7]
царь Сам или Сил [БРАН. 45.8.175. Л. 15. № 122]
царь Сим [РГБ. Муз. № 4492. Л. 20об.—21. № 38; РГБ. Шиб. № 289. Л. 34об. № 78]
царь Сим или Сил [ОГВ 1884, № 46, 441]
царь-трава [ГИАЭМЗ «Кижин». КП-4281/1. Л. 29. № 96]
царь Сим [Липинская, Леонтьева 1998, 431]

царь Симан
иван [БРАН. 33.15.192. Л. 7об. № 22; БРАН. 45.8.168. Л. 4об. № 26; БРАН. 45.9.21. Л. 12об.—13. № 21; ГИАЭМЗ «Кижин». КП-4281/1. Л. 8—8об. № 17; РГБ. Муз. № 10927. Л. 22. № 91; РНБ. Q.VI.33. Л. 7—7об. № 27]

кар ивн [Губерти 1859, 80, № 20]
царь [БРАН. 45.8.168. Л. 4об. № 27; РНБ. F.VI.16. Л. 1об. № 5]
царь Симан [РГБ. Муз. № 4492. Л. 17об. № 33; РГБ. Шиб. № 289. Л. 33. № 75]
царь Симон [Липинская, Леонтьева 1998, 448]

царь-трава
царь-трава [ГИАЭМЗ «Кижин». КП-4281/1. Л. 22об. № 68]

Источники

- БРАН. 33.14.11 — Травник посл. четв. XVIII в.
БРАН. 33.15.192 — Травник третьей четв. XVIII в.
БРАН. 45.8.168 — Травник посл. четв. XVIII в.
БРАН. 45.8.175 — Травник середины XVIII в.
БРАН. 45.9.21 — Травник 1792 г.
БРАН. Плюшк. № 212 — Сборник-лечебник третьей четв. XVIII в. (Собр. Ф.М. Плюшкина. № 212).
ГИАЭМЗ «Кизи». КП-4281/1 — Травник конца XVIII в.
ГИМ. Увар. № 114 — Лечебник нач. XVII в. (Собр. А.С. Уварова. № 114).
ИРЛИ. Вел. № 26 — Лечебник второй четв. XVIII в. (Древлехранилище ИРЛИ. Собр. В.В. Величко. № 26).
ИРЛИ. Оп. 23. № 121 — Сборник-лечебник первой четв. XVIII в. (Древлехранилище ИРЛИ).
РГБ. Долг. № 111 — Травник нач. XVIII в. (Собр. С.О. Долгова. № 111). Опубликовано в: [Ипполитова 2002в, 420—440].
РГБ. Муз. № 10927 — Травник конца XVIII — начала XIX в. (Музейное собр. № 10927).
РГБ. Муз. № 4492 — Лицевой травник конца XVIII в. (Музейное собр. № 4492). Опубликовано в: [Ипполитова 2002в].
РГБ. Унд. № 1072 — Сборник выписок из лечебника, травника, астрологических сочинений 1703, 1705 гг. (Собр. В.М. Ундольского. № 1072).
РГБ. Шиб. № 289 — Травник лицевой середины XVIII в. (Собр. П.П. Шибанова. № 289).
РГБ. Ф. 218. № 357 — Лечебник конца XVIII в.
РНБ. F.VI.16 — Травник рубежа XVIII—XIX вв.
РНБ. O.VI.6 — Травник «народный» посл. четв. XVIII в.
РНБ. O.VI.19 — Травник «народный» XVIII в.
РНБ. Q.VI.18 — Травник втор. пол. XVIII в.
РНБ. Q.VI.31 — Лечебник XVIII в.
РНБ. Q.VI.44 — Лечебник конца XVIII в.
РНБ. Тит. 4285 — Травник посл. четв. XVIII в. (Собр. А.А. Титова. № 4285).
РНБ. Q.VI.33 — Травник первой четв. XVIII в.
РНБ. Q.VI.39 — Травник середины XVIII в.

Литература

- Агапкина 2001 — Агапкина Т.А. Что происходит в чудесную ночь? // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2001. С. 156—193.
Агапкина 2002 — Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Анненков 1878 — Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1878.

Байбурин, Левинтон 1975 — Байбурин А., Левинтон Г. «Князь» и «княгиня» в русском свадебном величании (к семантике обрядовых терминов) // Русская филология. 4. Тарту, 1975. С. 58—76.

Березович 2000 — Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Березович 2003 — Письмо Е.Л. Березович автору от 9 января 2003 г.

Великоустюжский сборник 2002 — Великоустюжский сборник XVIII в. / Предисл. и публ. А.А. Турилова и А.В. Чернецова // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 177—224.

Вендина 1999 — Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 277—304.

Виноградов 1909 — Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. СПб., 1909. Вып. 2.

Власова 2000 — Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2000.

Глинкина 2004 — Травник XVIII века (тобольский вариант) / Науч. ред. Л.А. Глинкина. Челябинск, 2004.

Гмелин 1806 — Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. СПб., 1806.

Губерти 1859 — Книга, глаголемая травник [Публикация В.В. Губерти] // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1859. С. 76—83 (4-я пагинация).

Гура 1997 — Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль 1955 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955.

Забелин 1912 — Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2: История Руси от начала до кончины Ярослава I. М., 1912.

Забивкин 1911 — Забивкин И. «Травник» // Олонекская неделя. Петрозаводск. 1911. № 17. С. 12—14.

Зеленин 1929 — Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и промыслах. Л., 1929.

Зеленин 1930 — Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Запреты в домашней жизни. Л., 1930.

Ипполитова 2002а — Ипполитова А.Б. Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 267—300.

Ипполитова 2002б — Ипполитова А.Б. Этноботаника в русских травниках XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 394—419.

Ипполитова 2002в — Лицевой травник конца XVIII в. / Публ. А.Б. Ипполитовой // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 441—464.

Ипполитова 2004 — *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVIII в. как феномен культуры: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Ипполитова 2006 — *Ипполитова А.Б.* Царевы / царские очи: об одном клише в русской магической традиции XVII—XVIII вв. // Естественнаучная книжность в культуре Руси: Сб. науч. трудов. М., 2005. С. 85—89.

Коновалова 2000 — *Коновалова Н.И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

Коновалова 2001 — *Коновалова Н.И.* Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.

Лахтин 1911 — *Лахтин М.Ю.* Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911. (Записки Московского Археологического института; Т. 17).

Лепехин 1771 — *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771.

Липинская, Леонтьева 1998 — Действующий травник из Южной Сибири / Подгот. текста, предисл., словник В.А. Липинской, Г.А. Леонтьевой // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 414—479.

Майков 1994 — Великорусские заклинания. Сб. Л.Н. Майкова / Отв. ред. А.К. Байбурин. СПб., 1994.

Максимов 1995 — *Максимов С.В.* Культ хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

Меркулова 1967 — *Меркулова В.А.* Несколько этнодиалектных названий растений // Этимология 1965. М., 1967. С. 153—160.

Мороз 1997 — *Мороз А.Б.* «Боговы слезы» и «Кукушкины слезки» // Живая старина. 1997. № 1. С. 33.

Новомбергский 1909 — *Новомбергский Н.Я.* Слово и Дело Государевы (Материалы). Т. 2. Томск, 1909.

ОГВ 1884 — Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 40. С. 385—386; № 41. С. 395—396; № 42. С. 405—406; № 43. С. 414—415; № 44. С. 423—424; № 45. С. 430—431; № 46. С. 441—442.

Панченко 1968 — *Панченко А.М.* О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л., 1968. С. 3—15.

Потанин 1864 — *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. Вып. 4. СПб., 1864.

Пушкарев 1977 — Древнерусский лечебник // Редкие источники по истории России / Под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. М., 1977. С. 15—161.

Симоновић 1959 — *Симоновић Д.* Ботанички речник научних и народних имена биљака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.

Смилянская 2002 — Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII

века / Публ. Е.Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 99—172.

Соколова 1995 — *Соколова Л.В.* Золото // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 229—232.

СОС 1986 — Среднеобский словарь (дополнение). Ч. 2. Томск, 1986.

СРГС 2001 — Словарь русских говоров Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2001.

Срезневский 1913 — *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

Топорков 2002 — *Топорков А.Л.* Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Заговорный текст: генезис и структура. Мат. круглого стола. М., 2002. С. 55—62.

Топорков 2005 — Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005.

Турилов 1998 — *Турилов А.А.* Народные поверья в русских лечебниках // Живая старина. 1998. № 3. С. 34.

Успенский 2000 — *Успенский Б.А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

Флоринский 1879 — Травник // Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879. С. 3—15.

Черепанова 1983 — *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Черкасов 1958 — *Черкасов А.А.* Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). Чита, 1958.

Юдин 1997 — *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—. Вып. 1—.

Gustawicz 1882 — *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzynie przyrody. Cz. 2: Rosliny // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków. 1882. Т. 6. S. 201—317.

Сокращения

БРАН — Библиотека Российской Академии наук.

ГИАЭМЗ «Киж» — Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж».

ГИМ — Государственный исторический музей.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

РГБ — Российская государственная библиотека.

РНБ — Российская национальная библиотека.